

ЗАГАДКИ ДОМОВОЙ ЦЕРКВИ ДВОРЯН ЛУЖИНЫХ¹

Таких загадок три:

- 1. Когда и кто построил церковь?**
- 2. Какая икона в роду Лужиных
была чтимой?**
- 3. Кто был похоронен при домо-
вой Спасской церкви?**

1. Точная дата постройки церкви неизвестна. Из документов известно следующее: «Прихода села Шуколова, в сельце Григорове, Нерукотворного Образа Спаса, деревянная на каменном фундаменте с такою же колокольнею, построена «более 40 лет назад» (Вед. 1821 г.), а по другому сказанию, «около ста лет» (Вед. 1837 г.). В 1821 г. принадлежала Ст. Сов. Федору Сергеевичу Лужину: в 1829 г. перешла к племяннику его, Ротмистру Лейб-Гвардии Конного полка, Его Императорского Величества Флигель-Адъютанту Ивану Дмитриевичу Лужину. Ныне приписная к приходской».

На мой взгляд, инициатива постройки церкви принадлежала первому дворянину из рода Лужиных и первому владельцу Григорова Алексею Матвеевичу. В 1676 году, после смерти царя Алексея Михайловича, карьера полуголовы московских стрельцов Алексея Лужина развивается стремительно. Вот факты. Милославские, ставшие теперь партией власти, прежде всего избавляются от своих противников. Одним из первых отправляется воеводой в Верхотурье близкий боярин царя Алексея Матвеевича Артамон Матвеев. Но Милославские вскоре передумали: назначение кажется им слишком мягким и они посыпают вслед Матвееву Алексея Лужина, его бывшего подчиненного, уже с другим, гибельным для Матвеева предписанием. По-

Алтарная часть бывшей домовой
Спасской церкви

Фото Ясинской В.Н. 1996 г.

¹ Статья была опубликована в книге «Материалы для изучения селений Москвы и Подмосковья». М., 1997, с.97–101.

сле выполнения этого поручения в том же 1676 году Алексей Лужин был занесен в Боярскую книгу, получил должность стрелецкого головы и вскоре на два года (1680–1682) становится дмитровским воеводой. Получив власть и деньги, он выстраивает Григорово и составляет по нему «сказку». Мы никогда не узнаем причин, побудивших Алексея Матвеевича составить такой документ, но можно предположить, что это было обыкновенное тщеславие. В самом деле: в 1658 году он покупает Григорово и только через 23 года его отстраивает. И как! Наверное, и по тем временам это была в прямом смысле сказка, которую мог себе позволить разве что воевода. Почему бы не предположить, что Алексей Матвеевич построил и домовую церковь? Годы ее постройки — 1680–1688: в 1680 году, когда составлялась «сказка», упоминаний о церкви нет, а в 1688 году Алексей Матвеевич умер. Его жена Прасковья Вышеславцева в том же 1688 году выходит замуж за Гаврилу Суворова и переходит к мужу, а его наследник, сын Федор, — еще ребенок. Кроме того, сохранились материалы, рассказывающие, что после смерти Алексея Лужина его вдове пришлось обращаться к юным царям Ивану и Петру за подтверждением права наследования (в том числе и Григоровом) для себя и сына Федора.

2. Логично предположить, что в отстроенную домовую церковь Алексей Лужин принес и чтимую икону — покровительницу своего рода. Из документов известно, что отец Алексея Лужина Матвей был костромским подьячим и в семье, конечно, была своя чтимая икона. Но какая? Разглядывая фото иконостаса домовой церкви Лужиных, я обратила внимание на довольно редко встречающуюся икону Федоровской Божией Матери. Этап икона особенно почиталась в Костроме, где, согласно церковным сказаниям, «образ оказался в костромских лесах, где 16 августа 1239 года был обретен костромским князем и перенесен в костромскую соборную церковь Федора Стратилата. В 1272 году икона находилась в войске князя Василия, оборонявшем Кострому от татар. Празднование иконы совершается 14/27 марта и 16/29 августа». Подчеркнем — всего 2 раза в год.

По-видимому, эта икона и была чтимой в роду Лужиных, а церковь, отстроенная Алексеем Матвеевичем, называлась по иконе — Федоровской. Возможно, не случайно Алексей Матвеевич называет своего сына от второго брака Федором — в это время он был уже в весьма преклонном возрасте.

Но как же Федоровская церковь стала Спасской? И когда?

Известно, что в 1735 году Церковь издала указ, запрещающий посвящать храмы иконам Богоматери, и многие церкви тогда переосвящались. Переосвящая Федоровскую церковь в церковь Спаса Нерукотворного, Лужины оставили в ней главное — домашнюю святыню. 16/29 августа Православная Церковь празднует Спаса Нерукотворного и икону Федоровской Божией Матери. Второй день ее празднования (14/27 марта) был неудачным для переосвящения: в этот день празднование иконы Федоровской Божией Матери было единственным праздником Православной Церкви.

Эта гипотеза через год нашла счастливое подтверждение архивными данными. В описании иконостаса григоровской церкви встречаются строки: «Подлинная икона с Чудотворной иконой Федоровской Божией Матери. Писал нерехчанин Борис Григорьев».

Вольно или невольно, но сложилось так, что храмовый праздник Спаса был вытеснен другим, отмечавшимся накануне, — праздником Успения. Местные жители, по-

мявшие еще действующую церковь, помнят этот единственный праздник — Успения Богоматери; отмечают его 2 дня — 28 и 29 августа. 28 августа в Спасской церкви была служба, на которую приходили крестьяне из окрестных деревень, а после службы всех ждало угождение: ящики с пряниками, конфетами и прочими сладостями стояли перед входом в церковь, причем хватало всем — и детям, и взрослым.

3. В конце XIX века в конце липовой аллеи, подходящей к алтарной части церкви, появляются могилы Лужиных: Дмитрия, Иоанна и Екатерины. «Провинциальный некрополь» 1911 года, сообщая об этих захоронениях при Спасской церкви, добавляет: «Без дат».

В генеалогии рода Лужиных, составленной Н.П.Чулковым, есть только один Иван — это московской обер-полицмейстер в 1845–1854 годах Иван Дмитриевич и одна Екатерина — его первая жена Екатерина Илларионовна, урожденная Васильчикова. Дмитриев в роду Лужиных было два — отец Ивана Дмитриевича, и его сын Дмитрий, места захоронения которых неизвестны. Но поскольку отцу Ивана Дмитриевича Григорово никогда не принадлежало, можно предположить, что при Спасской церкви был похоронен сын Ивана Дмитриевича.

Известно, что Лужиных хоронили в Москве на кладбищах Новодевичьего и Донского монастырей, но там нет ни Дмитрия, ни Иоанна, ни Екатерины. В некрологе, опубликованном 18 апреля 1868 года, не сказано, где похоронен Иван Дмитриевич, что само по себе довольно странно и наводит на мысль, что, возможно, существовало завещание — похоронить именно в родовой вотчине и именно так — указав только имя. Есть и еще одно возможное объяснение: известны связи Ивана Дмитриевича с Третьяковыми, Солдатенковыми, известны его поездки с А.И.Россет–Смирновой на Преображенку к старообрядцам. Один из образов в иконостасе григоровской церкви, наиболее поздний по времени, напоминает «Возвращение блудного сына». Тонко подмеченнное Россет–Смирновой настроение Ивана Дмитриевича как человека страдающего, возможно, и будет ответом на вопрос — почему человек столь высокого положения и уважаемый в обществе (об этом говорят письма и даже некролог) захотел уйти из жизни так незаметно — терзаясь и чувствуя себя в чем-то «блудным сыном».

Перед революцией все три могилы были перенесены в Шуколово, к приходу которого была приписана Спасская церковь. Здесь уже хоронили Лужиных: в церкви были похоронены супруги Сергей Федорович (1766) и Анна Семеновна (1805); в 1904 году в ограде церкви был похоронен сын Ивана Дмитриевича Василий. Местные жители уверяют, что могилы Лужиных находились примерно в пяти метрах от входа в церковь с правой стороны.

Дворяне Лужины навсегда покинули свое родовое гнездо — сельцо Григорово, оставил на память потомкам домовую церковь, под алтарным окном которой и сегодня можно прочесть две даты ее обновления: 1825 и 1870.

